Сентябрьская малина

(Ушедшее лето)

* * *

...Сентябрь выдался солнечным, теплым, “бархатным”. Будто Природа, расщедрившись, решила подарить четвертый месяц лета - уж слишком “кислым”, мрачным и дождливым выдалось оно, будто и не лето, а так, намек...

Сентябрь одуряюще пахнул яблоками, коих уродилось великое множество, да все как на подбор - румяно-розовые, тонкокожие, сахаристые... Цвел и плодоносил шиповник, цвели поздние розы, а наряду с ними - и скромные сиреневые звездочки “сентябринок”, удивительно нежные, удивительно прелестные в своей показной скромности.

И каждый день удивлял безмятежным солнцем. Не убийственно жарким, но теплым, ласковым... будто извиняющимся за то, что летом слишком часто пряталось за плотными дождевыми облаками.

...И Ручьёв неожиданно ощутил, что *свободен.* Это было странное чувство, чувство непривычное, может, даже *неудобное...* и уж точно *нежеланное.*

Он ощутил, что свободен от... нет, не любви к чужой жене, *накрывшей*, настигнувшей его пять лет назад и как совсем недавно казалось - насовсем.

Отнюдь. Он ощутил, что свободен от *зависимости.*

Нет, он не возненавидел Анну, отнюдь, да и откуда взяться этой ненависти? Вариант “любовь-ненависть” был им уже пройден, выражаясь языком психологов, *проработан*, и неожиданный выстрел - выстрел из *его, Ручьёва*, оружия, чудом не убивший его *возлюбленную* (хотя он-то планировал *убить себя*, сейчас сама мысль об этом казалась безумной), так вот, этот нелепый выстрел всё-таки *достиг цели.* Истинной цели.

Женщина, из-за которой он едва не лишил себя жизни (но ее Ручьёв не винил ни в чем, как можно винить другого в том, что ты от него (*от нее*) зависишь? Это *твои* и только твои чувства (или, если хотите, *перверзии)* и справляться с ними ты обязан самостоятельно), эта утонченная, бесспорно красивая и еще достаточно молодая (тридцать - разве *возраст* для той, кто умеет ухаживать за собой и имеет для этого все возможности?) женщина с несколько напряженным взглядом сейчас сидела напротив

него в беседке больничного сквера, рассеянно отщипывая ягоды с гроздей винограда и еще не знала, нет, она могла лишь *предчувствовать*, что всё *изменилось.*

А Ручьёв это знал точно. Знал, едва ее увидел - еще больше похудевшую, осунувшуюся после полуторамесячного пребывания в больнице, но по-прежнему прекрасную и... чужую.

Именно- *чужую.*

Позже, по своей всегдашней привычке *анализировать*, он найдет уйму причин для того, чтобы больше не испытывать к ней прежних чувств. Причин... ни одна из которых, по большому счету, не имела для него значения раньше... совсем недавно. И которые вдруг приобрели вес. И *стали* иметь значение.

Ее увлечение мальчишкой (смазливым мальчишкой-студентом, бывшим служащим его, Ручьёва, охранного агентства). Ее (явно нарочитая, слишком преувеличенная) ревность к Валерии, его, Ручьёва, *случайной* девушке (хотя вот об этом не надо, об этом его совесть настойчиво зудела, да что поделаешь? Нельзя *заставить* себя любить...). Наконец, ее, Анны, издевательское (именно издевательское) отношение к его, *Ручьёва*, чувствам. Ей нравилась “игра” его чувствами. Ей вообще нравилось *играть.*

Вот только любые игры надоедают. Тем более надоедают тому, *с кем* играют.

...-Так в чем дело? - Анна в очередной раз отщипнула от грозди прозрачно-зеленую, продолговатую ягоду. Он не догадался у нее уточнить (по телефону), какой сорт винограда она внезапно полюбила (взамен гладкокожих персиков), поэтому принес всего понемногу - и черную кисть “изабеллы”, и кисть розовую, и кисть зеленую, без косточек (которую она и предпочла). - Вид у тебя...

-Какой? - отозвался Ручьёв, заставив себя улыбнуться. Это было совсем несложно. Охватившая его легкость от осознания того, что он больше ничего (*ну, почти* ничего) не испытывает к этой женщине, заставляла губы будто бы невольно складываться в улыбку. И не только губы.

Однако Анне эта улыбка определенно не нравилась. И наверняка не нравилось выражение его глаз. Не всегдашнее “щенячье” выражение, к которому она привыкла.

-Будто выиграл в лотерею.

Ответ был банальным и даже нелепым. Она не могла не знать, что ее супруг *сполна* расплатился с Ручьёвым за *оказанную услугу* (эти деньги лежали на его, Ручьёва, оффшорном счету).

-Я не играю в лотерею, - мягко ответил Сергей. - И тебе это отлично известно.

По ее лицу словно бы пробежала тень. Нижняя губка на миг была прикушена. Похоже, она впервые не знала, *как* с ним говорить. Похоже, она была настроена совсем на другой разговор.

-Ты хорошо выглядишь, - сказал Ручьёв (просто оттого, что говорить следовало), - Сразу видно, идешь на поправку.

Ее глаза потемнели и сузились.

-Твоими молитвами, - в голосе прорезался холод. *Не забывай, милый, по чьей вине я оказалась в больнице (а если все-таки забудешь, я не премину напомнить).*

“А ведь она действительно стерва, - с неожиданной грустью отметил Ручьёв, - *Истинная стерва.”*

Раньше его это не смущало. Раньше ему это даже в чем-то импонировало.

Но не сейчас.

Даже если его *попустило* лишь на время, даже если завтра он проснется с мыслью, что опять дико хочет ее *(хочет. Ее)*, этот сегодняшний момент легкости и *свободы* надо было ценить.

Он и ценил.

-Я атеист, - мягко парировал Ручьёв. Тем самым косвенно подтвердив ее подозрения. Подозрения насчет того, что *случившееся* не прошло бесследно. Что некоторых вещей забыть попросту нельзя.

К примеру, *предательства.*

-Слушай, зачем ты пришел? - уже не скрывая раздражения, спросила Анна. Не мягким голосом. Отнюдь не мягким.

Он пожал плечами.

-Ты попросила - я и пришел.

-Я... - она словно бы задохнулась, бледные щеки порозовели, и Ручьёву даже стало ее жаль. Но только жаль. *Прежние чувства* не проснулись. Либо впали в кому, либо... попросту умерли.

И это было хорошо. Господи, как же *чертовски* это было хорошо!

-То есть, если б я тебе не позвонила... - сдавленно сказала она, - Ты...

-Милая, у тебя ведь есть законный супруг, - мягко (очень мягко) напомнил Ручьёв, - Который мне даже *пригрозил* принятием суровых мер, если заново *осмелюсь* с тобой... *видеться.*

И не смог сдержать ухмылки. Своей мальчишеской ухмылки, обычно очень нравящейся женщинам (и крайне не нравящейся мужьям этих женщин).

Опять - потемневший взгляд и снова закушенная губа.

-Слушай, - наконец, медленно сказала Анна, - Если ты решил *так* меня наказать...

-За что? - он, наконец, посерьезнел. -Ты ведь сделала свой выбор. Нет, не тогда, когда улетела к морю со своим “щенком”, - Ручьёв протестующим жестом пресек ее реплику, ее попытку возразить, - Ты сделала *выбор,* когда улетела в Швейцарию, помнишь? Помнишь, как я *умолял* тебя остаться? И что ты ответила?

Лицо Анны начало медленно краснеть.

-Тогда была другая ситуация, - сказала она неуверенно. *Впервые* ее голос при разговоре с ним, Ручьёвым, звучал по-настоящему *неуверенно*, и он окончательно осознал - всё, финита, он ее *разлюбил.* Нет, даже так, по слогам - *раз-лю-бил*. Ибо нельзя любить ту, кто начинает жалко оправдываться.

Нельзя.

-Ситуация? - он тоже потянулся к винограду и оторвал от черной грозди пару ягод. Подумал - вернется домой и с удовольствием махнет коньяку. Граммов сто пятьдесят, как минимум. *Отпразднует* начало новой жизни.

Жизни, в которой *больше нет* Анны.

-Ситуация тут ни при чем, милая (с языка едва не сорвалось привычное - *любимая*, а вот это уже являлось бы наглым враньем), - Ситуация всегда была одной - тебя устраивала жизнь, которую тебе обеспечивал муж, и ничего менять ты не хотела. А я... так, для разнообразия. - чуть подался вперед, глядя ей прямо в глаза. В ее удлиненные, яркие, синие и *стервозные* глаза. - Знаешь, как меня назвал Зарецкий? Твоим *товарищем по играм*, ни больше, ни меньше. Удивительно точно, не находишь?

-Сволочь, - сказала Анна. Как-то обреченно сказала. Выдохнула.

Ручьёв пожал плечами. Сволочь - так сволочь. Мужчина *всегда* превращается в сволочь, когда перестает любить.

-Зачем ты явился? - глухо спросила Анна, больше не пытаясь обжечь его взглядом. Она опустила глаза. Впервые в разговоре с ним она *опустила* глаза. - Чтобы меня унизить?

Всё-таки она его *достала.* Как-никак, дипломированный филолог-переводчик. При желании умела найти нужные слова. Слова, которые способны *задеть.*

-Чем я тебя унизил? - холодно поинтересовался Ручьёв. - Тем, что не падаю ниц, как обычно? Прости, что-то пропало желание.

Его щеку обожгла пощечина. Довольно слабая пощечина, но дело-то ведь было отнюдь не в силе удара.

И он понял, что, в отличие от него, Анна к нему отнюдь не равнодушна.

Он понял, что она в данную минуту его ненавидит.

* * *

“Это просто мелкая месть, - растерянно подумала Анна, - Он имеет полное право злиться, он...”

Вот только раньше он не злился. И мелочности не проявлял. И уж тем более не мстил...

Да что с ней такое? Мучительное пребывание в больнице (причем, целых две недели в реанимации, под “аппаратами”) как-то сказалось на ее восприятии окружающего мира?

Нет, слишком уж пафосно звучит. Не в этом дело, не в окружающем мире... мир остался прежним. Изменилась *она*.

Она всё осознала. Она осознала свои ошибки, свои промахи, свое поведение, наконец (отвратительное поведение!).

Она *осознала*, что по-настоящему боится только одного -*потерять.* Нет, не ту сверхкомфортную жизнь, которую ей обеспечивал муж. Не свой высокий статус.

Она по-настоящему не хотела терять единственного человека, который ее *любил.*

И, конечно, судьба не могла над ней не посмеяться.

Этот высокий, русоволосый, еще достаточно молодой мужчина с ироничным взглядом, этот *мерзавец* (*красивый* мерзавец, нельзя не признать), бывший ее *неизменным* любовником на протяжении нескольких лет, этот мужчина, который, как ей казалось, уж *точно* никуда от нее не денется, неожиданно стал *другим.*

Чужим.

В его обычно теплых глазах появился холод. Именно так - холодно, *изучающе* - он теперь на нее смотрел. Он даже улыбался холодно. Усмехался. *Ухмылялся* (да, как выяснилось, он умел и ухмыляться. Оскорбительно).

И эти его слова (“*Прости, но нет желания падать перед тобой ниц”)*, они ее действительно *добили.*

В общем, доигралась, девочка. *Допрыгалась.*

Поверила в “вечную любовь”, дура. Поверила в то, что никуда он от нее не денется, ее “рыцарь”, ее верный возлюбленный, ее...

Больше не ее, как только что выяснилось.

Она соскучилась, она за время пребывания в больничных стенах (пусть повышенной комфортности, но от того не менее отвратительных, *казенных*) дико (просто дико!) соскучилась по Ручьёву, по его рукам, по его прикосновениям, по его теплым взглядам (и теплым улыбкам), по мягким интонациям его голоса... по его *ласкам.*

Именно *его* ласкам.

А он, похоже, нет.

...Сейчас следовало встать из-за столика и уйти, не оглядываясь. Ни в коей мере не выказывая своих истинных чувств (хотя она их выказала предельно конкретно, закатив Ручьёву пощечину. Заслуженную или все-таки нет, другой вопрос). Но по крайней мере не показав своих слез (а она, дура-баба, знала, что разревется, что непременно разревется, как школьница, не добившаяся взаимности от дебила-одноклассника). Следовало...

Теплая мужская рука мягко легла на ее ладонь. Она опять вскинула на Ручьёва глаза, уже не без опаски (да нет, со страхом! Со страхом снова увидеть эту его презрительную ухмылку-усмешку, увидеть холод в его серо-синих (или серо-зеленых?) глазах.

Не было ухмылки. И глаза его потеплели. Ручьёв тихонько сжал ее пальцы.

-Извини. Что-то меня и впрямь занесло. Какая-то нелепая обида. Когда ты улетела к морю с *этим*...

Она ни разу не вспомнила о Кирилле. С каким-то пугающим удивлением она вдруг осознала, что не вспомнила об этом парне (о том, кого называла *милым мальчиком* и стонала в его объятиях) *ни разу.* Выходит, не влюбленность это была и даже не страсть. А всего лишь *увлечение*. Мимолетное увлечение.

-Забудь, - сказала она внезапно осипшим голосом. - Как я забыла.

Несколько секунд Ручьёв не отводил от нее пристального взгляда, и опять ей померещилось, что смотрел он на нее с грустью и сожалением. Потом чуть сильнее стиснул ее ладонь.

-Хорошо.

Вот и всё. Не *“Давай рванем ко мне, я страшно соскучился”*, не поцелуй (сначала в уголок рта, а потом и в губы, полноценный, страстный). Всего лишь - “хорошо”. И что означало это “хорошо”? *Хорошо, что ты его забыла или просто... ладно, забыла - так забыла, собственно, мне всё равно?*

А ему действительно *всё равно?* - со страхом подумала Анна.

И что ей делать, если Ручьёву внезапно стало *всё равно?*

Что, черт возьми, ей делать в таком случае?

И несмотря на очень теплый, очень *летний* сентябрь ее обдало холодом. Поистине *ноябрьским.*

* * *

“Нельзя с ней так, - эта мысль была трезвой и, пожалуй, расчетливой. *-Нельзя сразу ее огорошить... Она не простит.”*

А на что способна разъяренная, разочарованная и *отвергнутая* женщина, Ручьёв знал очень хорошо. И по собственному опыту знал, и по углубленному курсу психологии, который в свое время добросовестно проштудировал (в силу профессии, разумеется).

Поэтому он постарался максимально смягчить и взгляд, и голос, и улыбку. И с некоей горькой иронией не мог не признать - порой *притворство* действует куда эффективнее, нежели искренность. Во всяком случае, на людей (перед "братьями меньшими" притворство попросту не работает, животные любую фальшь *чувствуют инстинктивно*).

-Если хочешь, поедем ко мне, - предложил он, почти наверняка зная - Анна именно такого предложения от него и ждет. - Если, конечно, ты достаточно поправилась.

Она словно бы ненадолго задумалась. Все еще не до конца ему веря. Хотя уже готова была снова *обманываться.* Поверить в то, что он действительно лишь немного (совсем чуть-чуть) *отыгрался* на ней из-за ее связи со студентом. Кратковременной связи с мальчишкой.

Потом она встряхнула волосами. Чистыми, не мог не отметить он. Она действительно привела себя в порядок перед встречей с ним. Она *ждала,* она *желала* этой встречи.

Точнее, не *этой* встречи. Не *такой.*

Поэтому вскинула на него потемневшие, *похолодевшие* глаза.

-Извини, я не очень хорошо себя чувствую. Лучше пойду прилягу. - и, растянув губы в улыбке (при том, что глаза оставались неулыбающимися), добавила мягко, - Спасибо, что навестил... *милый.*

Ручьёву сделалось стыдно. Не потому, что он лгал, что притворялся, ему к этому было не привыкать, его, в конце концов, *натаскивали* на такие приемы... нет. Просто он *впервые* лгал и притворялся в присутствии Анны. Притворялся и лгал *любимой женщине.*

Некогда любимой женщине.

* * *

...Когда сентябрьское солнце начало клониться к закату, Ручьёв вышел на свой приусадебный участок (в свой сад, как он его называл, хотя несколько яблонь, пару вишен и одно сливовое дерево вряд ли можно было назвать полноценным садом), приблизился к кустам малины и с удивлением обнаружил на нем спелые, густо-красные ягоды. Не удержался, сорвал и едва не зажмурился от удовольствия, от их неожиданной сладости, от их аромата. Наверное, в выходной можно совершить и вылазку по грибы, вместе с компаньоном (и верным другом) Кравченко, тот не в пример ему, Ручьёву, любитель и мастак "тихой охоты"...

... “Приватное” свидание в больничном сквере оставило *послевкусие* чего-то *горького* и, по большому счету, *ненужного.* “Звони”, - бросила она напоследок, возвращаясь в больничный корпус (в сопровождении охранника), и он, конечно, ответил: “Непременно”, уже зная, что *сам, по собственной инициативе* не позвонит, а если станет звонить она, отделается какими-нибудь малозначащими, дежурными фразами, вроде “Привет, как дела”.

“*В конце концов, у нее муж и ребенок, и прекрасная, комфортная жизнь за кордоном”,* - Ручьёв словно мысленно оправдывал свое охлаждение к той, по которой совсем недавно (ну *совсем, совсем недавно!*) сходил с ума. Так, наверное, бывает во время затяжной болезни, когда больной уже свыкся со страданиями и разуверился выздороветь, но внезапно, проснувшись одним поистине прекрасным утром вдруг осознает, что его отпустило, что болезнь отступила, что пришло облегчение, и пусть это даже не настоящее выздоровление, а всего лишь временная ремиссия, как же здорово осознать эту легкость, это *освобождение...*

Он нарвал целую горсть поздней малины (как, однако, умеет расщедриться ранняя осень, когда захочет), потом вернулся в сад и собрал упавшие яблоки (пусть слегка побитые, однако, еще свежие, одуряюще пахнущие (почему-то медом и земляникой), решил, что непременно явится с целой корзиной в агентство, чтобы наделить этой внезапной *плодовой роскошью* своих парней, а на сон грядущий все же махнул сто пятьдесят граммов “Хеннеси” и спал крепко, без сновидений...

И очень сладко.

* * *

Два года спустя

...Сергей Владиславович Зарецкий, успешный финансист, преуспевающий делец и проч., и проч., без стука вошел в комнату жены. Анна полулежала на диване, ноутбук - на коленях, в ушах наушники, вид отстраненный, вид *сонный*, а когда она вскинула на него глаза, он уже не удивился, что зрачки у нее расширены (как всегда в последнее время).

-Выйдешь к обеду?

Она отрицательно мотнула головой, вынула наушники из ушей.

-Я не голодна, - голос тоже был замедленный, *плавающий.*

Она *опять накидалась опиатов.* После того *инцидента* в доме у ее любовника (Сергей Владиславович привык называть вещи своими именами, даже мысленно. Точнее, *тем более* мысленно) она ухитрилась-таки “подсесть” на таблетки. Хорошо, что не на *уколы*

(это уже был бы “край”), но, если и дальше все пойдет такими темпами, то и до уколов недалеко.

Он опустился на край просторного, мягкого дивана.

-Приди в себя, - постарался максимально смягчить голос. - Вспомни, наконец, о ребенке.

Она криво усмехнулась.

-Ребенок под надзором нянек. И твоим. В конце концов, *ты* хотел этого ребенка. Ты его получил. Что опять не так? Не устраиваю - разводись, - и нагло зевнула, прикрыв рот ладонью, будто и впрямь этот разговор нагонял на нее скуку. Хотя, возможно, и нагонял.

-Послушай, - он совсем не хотел скандала. Хотя Анна определенно на скандал нарывалась, - Есть хорошая клиника, где избавляют от зависимости...

Она взвилась. Буквально взвилась. Подскочила на диване, ноутбук брякнулся на пол (ну и что? Беречь эту технику? Зачем?). Лицо, все еще красивое, исказила злоба.

-Не вздумай, - прошипела Анна, глаза ее сузились и потемнели. - Как бы ты ни старался на меня *воздействовать,* у меня всегда найдется чем *ответить.* Ясно? - выдохнула, подняла с пола компьютер (с ним ничего не случилось, даже экран не погас), опять взгромоздила себе на колени.

-Ты хочешь лишить меня единственного, что еще держит меня “на плаву”? - спросила спокойным, тусклым, каким-то *безликим* голосом, - Ты знаешь, чем это закончится.

Он знал, *отлично* знал. Год назад ее едва откачали из-за *передоза.* И самым страшным было то, что *передоз* являлся не случайным. Зарецкий точно знал - не случайным.

-Что мне еще сделать? - *обреченность* грозила накрыть его с головой. - Связаться с Ручьёвым и просить его приехать? *Это* тебя вразумит?

Она немедленно начала краснеть. Теперь голос напоминал шипение.

-Нет. Но если ты *преподнесешь мне на блюде* его голову, пожалуй, это меня развеселит. Ненадолго.

И рассмеялась. Причем, от этого смеха Зарецкого пробрал озноб. Это был *чрезвычайно злой* смех. И *отчаянный.*

Он, разумеется, не знал, что произошло между ней и Ручьёвым в тот единственный раз, когда тот все же навестил ее в больнице (несмотря на его, Зарецкого, угрозы, которые этому авантюристу, видимо, казались смешными), они недолго (около получаса) просидели в беседке больничного сквера, потом разошлись, обменявшись дежурным поцелуем в щеку, а вернулась она уже *другой*. С *потухшим* взглядом. *Потухшим* голосом.

После чего, видимо, сговорившись с кем-то из медперсонала (ибо деньги *всегда* имели решающее значение, а уж в *этой стране* особенно), она стала принимать *таблетки.* Якобы всего лишь от боли, на самом деле чтобы *забыться.*

На время они действительно *помогали.* Она взбадривалась, становилась оживленной, даже более разговорчивой, чем обычно, вот только глаза сияли “стеклянным” блеском, а румянец на щеках явно был вызван не физической активностью на свежем воздухе.

... Ручьёв больше в стенах больничного корпуса не появлялся.

Похоже, желание господина Зарецкого (чтобы его жена, наконец, рассталась со своим любовником *(признанным любовником, постоянным, едва ли не “членом семьи”)* сбылось. Вот только последствия “сбывшихся желаний” обычно бывают непредсказуемыми...

И, кажется, он уже жалел, что ее нечастые встречи с Ручьёвым прекратились. “На плаву” ее держали не наркотики... “на плаву” ее держал он, Ручьёв. Тот самый, кто оказал Зарецкому не одну услугу (называя вещи своими именами, *неоценимую* услугу, что, собственно, его и примиряло с существованием у супруги “товарища по играм”). Однако, как известно, *оказанная услуга* услугой не является, да и расплатился он с этим *авантюристом (бывшим шпионом,* хотя бывают ли они “бывшими”? А, возможно, даже *диверсантом*) сполна. И (вот уж *нечаянный подарок*) Ручьёв исчез из его поля зрения и, что важнее, как он, Зарецкий, думал, из жизни Анны, а Анна теперь “сидит” на наркоте, причем так плотно сидит, что, похоже, в *их кругах* начали об этом “шептаться”, и ребенком совсем не интересуется, да, собственно, *ничем не интересуется*...

Кроме таблеток.

* * *

Ручьёв

...Итак, дела шли как надо, за исключением тех, что решительно шли наперекосяк.

Почему он вспомнил эту фразу, приписываемую английскому юмористу-фантасту Пратчетту?

Видимо, потому что *его-то* дела действительно шли “как надо”, даже до *отвращения* “как надо”, агентство приносило прибыль, они с компаньоном Кравченко вдобавок открыли пару “дочерних” филиалов в области, собственно, в сфере бизнеса грех было жаловаться, как, собственно, и в сфере *личного*, полгода назад он познакомился с симпатичной криминалисткой Ирочкой и между ними начались те самые *отношения*, которые могли перерасти и в нечто большее (а могли и не перерасти, тут уж как “карта ляжет”), и события двухгодовалой осени уходили, уплывали, скрывались за туманной завесой прошлого, того самого *прошлого*, которое следовало забыть как можно прочнее.

...А вот вам хрен, дорогие товарищи. Заснув в постели одной женщины (скажем так - *вполне устраивающей* его женщины, никаких горячих чувств Ручьёв по отношению к ней не испытывал, да и ни к кому другому не *питал* он таких чувств, все отошло и слава Богу), так вот, заснув рядом с одной, он увидел сон совсем о *другой.*

Они находились на песчаном пляже, вместе с Анной, и она была в купальнике, с кокетливо повязанной на бедрах тканью (дань недавней моде), изящная, длинноногая, восхитительно стройная. Анна шла к воде, а он отчего-то находился на берегу, раздираемый желанием и странной опаской (ибо каким-то образом знал, что ему нельзя к ней приближаться, касаться ее). Она заходила в воду, не оглядываясь, и лишь оказавшись в воде по плечи, обернулась, обожгла его взглядом своих немыслимых синих глаз, махнула рукой, будто приглашая его за собой, а потом поплыла брассом, а он все не решался к ней присоединиться, хотя плотское желание разгоралось всё сильнее, а она уплывала от него все дальше и дальше, и вот он, наконец, тоже бросается в воду (теплую, ласковую воду великой реки), а Анна внезапно исчезает и его настигает тошнотворное чувство, что она попала в беду, что она, черт возьми, ТОНЕТ, ее нужно спасать, нужно нырять и спасать ее, тонущую... и он пытается нырнуть, но ничего не выходит, вода приобретает плотность желе, он в этом желе вязнет, руки и ноги перестают слушаться...

Ручьёв с великим облегчением проснулся. С облегчением, которое немедленно сменилось тревогой.

С ней что-то случилось.

Он поднялся с постели, стараясь двигаться тихо, не разбудить спящую подругу. Направился под душ, окончательно проснуться поможет чашка (а то и две) крепкого кофе, но он не хотел этого делать здесь, в квартире любовницы, он сейчас поедет домой к себе, в свой коттедж, и уже там все обдумает, поскольку *такие вещи* следует обдумывать в одиночестве.

Он слишком часто сталкивался с ситуациями, требующими быстрых решений. И он *верил* в предчувствия.

Слишком часто они сбывались.

* * *

Взбодрившись, наконец, свежесваренным кофе, он решился на звонок в Берн. Впрочем, уверенности никакой не было. Она могла сменить номер (когда он в последний раз набирал этот номер? Аккурат под Новый год, а сейчас стоял август, то бишь, прошло больше полугода), она могла не ответить попросту от злости на него (а насколько злопамятной она могла быть, Ручьёв знал слишком хорошо), наконец, она попросту *заблокировала* его номер... но предчувствие *дурного* не только не отпускало, оно усилилось, и он тем не менее ее номер набрал.